

УДК 32

Локальная идентичность и построение эффективного взаимодействия местных сообществ и органов власти в российских городах

Евстифеев Роман Владимирович

Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал),
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82-84;
e-mail: roman_66@list.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-03-00328 «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах».

Аннотация

В статье представлены результаты изучения локальных идентичностей в трех российских городах. Применение качественных и количественных методов исследования позволило выделить основные элементы городской локальной идентичности, оценить и сравнить эти элементы в каждом из исследованных городов. Сделаны выводы о том, что в основе локальной идентичности лежит осознание общей истории и общая потребительская культура города, при этом ценности совместных действий оказываются почти не представленными. Одним из механизмов формирования эффективного взаимодействия власти и общества является развитие локального аналитического сообщества, осуществляющего переосмысление и реструктурирование прошлого и настоящего, создание насыщенных смыслом и понятных для местного сообщества символов. Базовым процессом для организации эффективного взаимодействия с органами власти в городе становится трансфер символов и элементов идентичности в практики, включая политические. Исследование показало, что пространство конкуренции ценностей в городах остается незаполненным, цели развития городских сообществ и их ценности оказываются несогласованными с локальной идентичностью, порождая риски для коммуникации между обществом и властью. Установлено, что локальная идентичность не напрямую влияет на эффективность взаимодействия общества и органов власти, осуществляя свое воздействие через такие значимые параметры как характер организации сообщества, доминирующие представления о власти, распределение власти в городе, политическое устройство городского пространства в целом.

Для цитирования в научных исследованиях

Евстифеев Р.В. Локальная идентичность и построение эффективного взаимодействия местных сообществ и органов власти в российских городах // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 6А. С. 16-27.

Ключевые слова

Коллективная идентичность, символическая политика, взаимодействие власти и общества, политология, политика.

Введение

Динамичное развитие городов как центров технологических инноваций и новых социальных практик – отличительная черта XXI века. Эта черта присуща и российским городам, естественно, со своей спецификой и со своими особенностями.

Направления и эффективность развития современных российских городов во многом зависят от того, насколько эффективен диалог между городским сообществом и органам власти. В связи с этим, исследование особенностей организации такого диалога и взаимодействия является актуальной научной задачей.

В данной статье предлагается подход, основанный на предположении, что в основе эффективного взаимодействия между властью и городскими сообществами лежат процессы осознания гражданами своей общности, принадлежности к местным, локальным сообществам. Причем формируют и репрезентируют эти идеи не все городское сообщество, а небольшие городские экспертные сообщества.

Основная часть

В качестве теоретической базы предлагается использование трех подходов.

Первый подход – институционализм, включая неинституциональные направления, настаивающий на определяющей роли устойчивых социальных связей и практик в развитии местных сообществ [Остром, 2010] [Норт, 2011].

Второй подход – теории социального капитала, разрабатываемые в пространстве экономико-социологических идей, обращающих главное внимание на уровень доверия между членами сообщества и использование этого доверия для снижения издержек в процессе интеракций [Бурдье, 1993] [Патнэм, 1996] [Коулмэн, 2001] [Фукуяма 2006].

Третий подход – теории социальной идентичности, получившие изначальное распространение в русле психологии и социальной психологии, а сегодня активно разрабатываемые также в социологии и политической науке, объясняющие развитие общества наличием особых социально-психологических характеристик, объединяющих и связывающих членов сообщества [Хантингтон, 2004] [Anderson, 2010] [Lawler, 2014].

Для всех перечисленных подходов характерно признание важной роли символической сферы в развитии общества.

В основе статьи лежат результаты нескольких исследования локальных идентичностей в трех российских городах (Смоленск, Владимир, Ярославль), проведенное научным коллективом совместно с АНО «Социологическая мастерская Задорина» [Задорин, 2016].

Ключевым понятием в рамках данной статьи выступает понятие «городской локальной идентичности», служащей основой для эффективного взаимодействия городского сообщества и органов власти.

Одним из механизмов сплочения и взаимодействия в сообществах является механизм коллективных идентичностей индивидов [Tajfel, 1986, P.7-24], то есть самоотнесение к какой-либо группе/общности, определяющее правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из неё, критерии различения «свой/чужой» для данной группы [Крупкин, 2010, 122]. Каждый индивид имеет набор коллективных идентичностей, «завязанных» на разные сообщества. Обычно к ним относятся: семья, расширенная семья (родня), круг друзей, коллеги по обеспечивающему сообществу (трудовому коллективу), профессиональные ассоциации, соседская община, территориальные (локальные и

региональные) общности, религиозная община и конфессия, политическая партия, этнос, нация, и другие важные для индивида сообщества и социальные группы.

Само понятие идентичности, в том числе групповой, позволяет ученым выйти из ложной дихотомии зависимости социальных процессов либо только от индивидуальных качеств акторов, либо только от коллективных представлений. Таким образом, коллективная или групповая идентичность соединяет в себе индивидуальные характеристики сознания и характеристики группы, не разделяя их, а предлагая рассматривать их как комбинацию, своеобразный симбиоз, порождающий как сами сообщества, так и конфликты внутри них и между различными сообществами [Евстифеев, 2017].

Более глубокое понимание социальных процессов в различных группах общества, вплоть до национальных государств, делает теории коллективных идентичностей и методы исследования, созданные на их основе, перспективным инструментом для исследователя, особенно в эпоху неустойчивой «текучей» современности, разобщенных сообществ и конфликтующих групп. Отметим также, что изучение локальных идентичностей имеет не только теоретическое значение, но нацелено на решение практических проблем, таких как общее развитие местных сообществ, повышение уровня солидарности в сообществах, экономическое развитие территории и брендинг дестинации и т.д., включая политические и электоральные перспективы

Общей целью проекта исследования городских локальных идентичностей было выявление и описание спектра локальных (городских) коллективных идентичностей трех российских городов, Владимира, Смоленска и Ярославля, а также дальнейшее накопление эмпирического материала для развития предлагаемого языка описания такого социального объекта, как «локальная коллективная идентичность». Исследование было направлено на решение следующих задач:

- подтвердить существование городских идентичностей;
- описать городские идентичности нескольких городов, сделав это с одной стороны единообразно, с другой – полно;
- выявить связь характеристик городской идентичности с показателями солидарности горожан, их социальной спайки.

Качественный этап исследования был основан на проведении пяти дискуссионных фокус-групп в каждом из городов с основными социальными категориями горожан. В ходе фокус-групповых дискуссий (сентябрь-октябрь 2014 г.) обсуждался широкий круг вопросов, включающий в себя вопросы уникальности города, объектов гордости горожан, символов города, выдающихся личностей, отличительных черт жителей города и т.д.

По итогам фокус-групповых дискуссий был сформирован опросник для количественного этапа исследования. Основой количественной части стал массовый опрос населения с выборкой не менее 600 человек в каждом из городов (общий объем выборки составил 1800 респондентов). Опрос проводился в ноябре-декабре 2014 года. Выборочная совокупность репрезентировала население каждого из трех городов по параметрам пола, возраста и района проживания. Опрос реализовался по месту жительства респондентов (face-to-face). Генеральной совокупностью исследования являлось взрослое население соответствующей территории (18 лет и старше).

Взаимоотношения социального капитала, социальных институтов и локальной идентичности на уровне гипотезы рассматривались автором в виде иерархии, в которой центральное место занимает локальная идентичность, а социальные институты, социальный капитал формируются на основе идентичности. При этом эффективность взаимодействия

органов власти и сообщества зависит от уровня развития социальных институтов, социального капитала и уровня солидаризации населения.

Результаты исследований подтвердили существование в актуальном самосознании респондентов локальной идентичности, зафиксированной в виде основных элементов с высоким уровнем репрезентации большинства из них. Однако, это касается в основном городских поселений, на уровне сельских населенных пунктов эта идентичность выражена гораздо слабее, равно как и идентичность жителей региона в целом. Например, в исследованиях были включены вопросы для измерения территориальной идентичности респондентов, в частности респондентам предлагалось самим определить, жителем какой территориальной единицы (от города проживания до планеты Земля) они ощущают себя в первую очередь. Как оказалось, существенное большинство ответов сконцентрировали в себе две альтернативы ответа – «страна (Россия)» и «город проживания»; в совокупности эти две альтернативы набрали от 80% (в Смоленске) до 90% (в Ярославле). Примерно тоже характерно и для массового опроса жителей Владимирской области.

Относительно жителей городов можно констатировать, что локальная идентичность ими не только осознается, но и имеет для них большое субъективное значение.

Набор выявленных элементов городской локальной идентичности можно представить в виде следующих позиций:

- Значимые места (включая символический центр)
- Представления о географии (локальной, средне- и крупномасштабной)
- Пантеон героев – реальных и мифических
- Представления горожан о городе
- Представления горожан о себе
- Представления о структуре сообщества: ядро ("элита"), границы, составляющие (страты, сегменты)
- Ритуалы воспроизводства идентичности
- Этнографические особенности жителей города.

Выявленные элементы локальной идентичности

Проведенное исследование позволило выявить, что в трех изученных городах жители выделяют как сам центр города, так и важные локальные «точки», неотделимые от Центра, но имеющие определенную самостоятельную ценность. В случае Владимира, в топ самых значимых мест входят Золотые Ворота (87% опрошенных), Успенский собор (59%), Дмитриевский собор (29%), Соборная площадь (25%). В Смоленске – Крепостная стена (84,3% респондентов), Успенский собор (74,7%), в Ярославле – так называемая Стрелка, то есть мыс при впадении реки Которосль в Волгу (почти 50% опрошенных), Волжская набережная (47%) и театра имени Фёдора Волкова (33%).

В локальном плане Владимир видится горожанами, прежде всего, городом, находящимся между лесной зоной и зоной полей. На втором уровне значимости находится река Клязьма. Из соседних городов в зону значимой локальной географии Владимира попадают только Суздаль, Боголюбово (с церковью Покрова на Нерли) и Муром. Отметим также и значимое присутствие в списке ответов такого трогательного класса объектов как «деревеньки», символизирующие глубинные сельские корни большинства жителей города, который стал индустриальным центром только в середине прошлого века.

Локальная география Смоленска может быть вербализована так: Смоленск – город на верхнем Днепре – среди лесов, озер и болот. Локальная география Ярославля вербализуется как город на верхней Волге, среди лесов и озер, с Толгским монастырем неподалеку, а также Рыбинским водохранилищем как пригородной зоной отдыха.

Макро-география Владимира задается следующими доминантами: Владимир – город на Золотом кольце, на реке Клязьма, между Москвой и Нижним Новгородом, чуть в стороне, но рядом с Владимиром, находится Суздаль. В целом, город Владимир – это дальнее Подмосковье.

Обобщенная вербализация макро-географии Смоленска может быть сформулирована следующим образом: Смоленск – это город на западной границе России, город-дверь, город-ключ. Он расположен в верховьях Днепра, на пути из Москвы в Европу. Это международный перекресток рядом с Белоруссией, здесь бьется сердце России.

Макрогеографическое описание Ярославля: Ярославль – это город на Волге, город-Центр русских земель. Он расположен в «Золотом Кольце» древних русских городов, недалеко от Москвы. Последнее может быть понято и таким образом, что где-то недалеко, рядом с Ярославлем находится Москва, с которой ярославцы чувствуют себя «на короткой ноге», на равных.

В «пантеоне героев» жителей города Владимира наблюдается несомненное лидерство исторических персонажей времен Средневековой Руси, прежде всего, князей Андрея Боголюбского (50% ответивших), Владимира Красно Солнышко (44%), Владимира Мономаха (41%) и Александра Невского (35%). «Сборная древнерусских князей» одерживает победу за явным преимуществом над всеми другими представителями владимирского пантеона героев. Герои советского времени, деятели культуры и искусства, спортсмены и наши современники существенно уступают князьям.

«Пантеон героев» Смоленска по результатам массового опроса возглавляют космонавт Юрий Гагарин (47,2% ответивших), зодчий Федор Конь (44,2%) и композитор Михаил Глинка (43,2%).

В Ярославском «пантеоне героев» лидируют князь Ярослав Мудрый (77,2%), основатель ярославского театра Ф.Г. Волков (44,2%), космонавт В.В. Терешкова (44,2%); поэт Н.А. Некрасов (36,2%)

В представлениях горожан о том, чем знаменит город Владимира, на лидирующие позиции вышли следующие позиции: «Входит в «Золотое Кольцо» (57% ответивших), «Золотыми Воротами» (49%) и «Один из древнейших городов России» (46%). В число значимых позиций (более 10%), кроме древнерусских достопримечательностей попал только Владимирский Централ (16%). Оставшиеся позиции, хотя и интересны сами по себе («Владимирская вишня», «Владимирский тяжеловоз», промышленность), однако полученные ими значения не дают возможности считать их значимыми для большинства жителей города.

Доминирование истории и прошлого в мифосистеме горожан показывает и выбор ими основных событий в истории города. На первых местах с большим отрывом расположились: «Оборона Владимира от монголо-татар в 1238 г.» (62% ответивших), «Роспись Успенского собора Владимира Андреем Рублевым в 1408 г.» (47%), «Превращение Владимира в столицу Северо-Восточной Руси в 1157 г.» (39%).

Ощущение древности своего города характерно и для жителей Смоленска и Ярославля. Однако, в отличие от Владимира, жители указанных городов находят, чем гордится и в недавнем прошлом и в настоящем. Для смолян важной составляющей является память о Великой

Отечественной войне, в Ярославле жители гордятся открытием первого в России театра в 1750 году и тем, что в их городе родилась первая женщина-космонавт В. Терешкова.

Важной частью самоопределения владимирцев можно признать их ощущение города, как тихого, спокойного места, уютного чистого города с большим количеством зеленых насаждений. По результатам массового опроса убедительно лидируют два позитивных самоопределения горожан, дающие в сумме более 70% - «Владимирцы – люди со спокойным характером», «Владимирцы – гостеприимные люди». На третьем месте подтвержденное фокус-группами мнение о том, что «Владимирцы – «мещане». Ниже 20% расположились негативные позиции – «Владимирцы – люди прижимистые, ищут, «что подешевле где купить», «Владимирцы – жесткие, недоброжелательные люди», «Владимирцы – ленивые люди» и довольно экзотичное «Владимирцы – люди с характером «гуляй, рванина!».

Жители Смоленска считают себя добрыми, немеркантильными (39,2% ответивших), терпеливыми и стойко переносящими все трудности (35,1%), готовыми к агрессии, но отходчивыми (30%).

В Ярославле на первое место по результатам анкетирования вышла отзывчивость, доброта и доброжелательность ярославцев (35,7%); на второе с 24% – их внешняя красота («ярославцы - все красавцы»); на третье – любовь к посещению культурных мероприятий (19,7%).

Представления жителей Владимира о структуре городского сообщества связаны, прежде всего, с выделением ими профессиональных групп, которые, на взгляд респондентов, вносят самый весомый вклад в развитие города. Первое и второе места в этом своеобразном рейтинге заняли две властные «команды» – администрация города (39%) и губернатор и ее команда (33%). На третьем месте довольно неожиданно оказались городские работники культуры (28%). На четвертом месте – знаменитые спортсмены (22%). На пятом месте, что также неожиданно, – городские общественные активисты (11%). И далее по нисходящей уже менее 10% – городские предприниматели, малый бизнес, руководители крупнейших предприятий города, работники промышленных предприятий, священнослужители.

В целом похожие структуры продемонстрировали исследования в Смоленске. Смоляне отметили вклад чиновников в развитие города («Губернатор и его команда» – 23,5% ответивших, «Администрация города» – 19,4%), дополнив их работниками культуры (19,5%) и промышленных предприятий (13,7%). В Ярославле на первое место среди «благодетелей города» и людей, которыми ярославцы сегодня могут гордиться, вышли знаменитые спортсмены (27,9%). Второе место (16,2%) по праву принадлежит городским работникам культуры (артистам, художникам, музыкантам, музейщикам). Третье место – у администрации города (14,3%); пятое заняли лётчики-космонавты (12,7%); на шестом месте оказались работники промышленных предприятий (11,9%). Отметим высокий процент затруднившихся ответить на этот вопрос в этих двух городах (Смоленск – 23,9%, Ярославль – 16,5%).

Исследование ритуалов воспроизводства локальной идентичности владимирцев показало, что основной ресурс воспроизводства локальной идентичности в городе – это общенациональные и общегородские праздники. По результатам опроса на первое место с результатом 62% поддержки вышел День города; на второе – главный национальный праздник День Победы (46%); третье место занял Новый Год (35%). Далее с большим отрывом идут выходы в театры, парки, рестораны; Праздник огурца в Суздале, дни двора и улиц. Менее 10% набирают Крестные ходы (8%) и выборы местной власти (6%). Интересно отметить, что пока не заняли своего места в структуре городской идентичности события, которые по определению являются формирующими город и горожан – выборы и различные виды гражданской активности.

В Смоленске исследования выявили доминирование в качестве укрепляющих единение горожан двух праздников: Дня Победы (80%) и Дня города (65%). Для жителей Ярославля на первом месте по значимости стоит День города (55,3% ответивших), на втором – празднование Дня Победы (38,4%), и на третьем – Празднование Масленицы, главной масленицы страны (21,9%).

Отметим, что выделенная и описанная городская идентичность не является субъектной – это, скорее, культурная рамочная идентичность с четко выделяемыми культурными реперами, которые являются общими для всех жителей каждого из обследованных городов. В основе этой идентичности, во-первых, лежит осознание общей истории (во всех трех городах отмечается тяготение коллективных представлений к досоветской истории, а в случае Владимира – даже к домонгольской (доимперской) Руси), во-вторых, то, что можно назвать общей потребительской культурой города – доминирующие рекреационные и культурно-досуговые практики повседневной жизни горожан. Вместе с тем элементы идентичности, связанные с ритуалами воспроизводства идентичности и представлениями о структуре сообщества и его границах, в большинстве случаев выражены гораздо слабее, и разброс мнений здесь более существенен.

Выделенные элементы можно перегруппировать по трем кластерам. Таким образом, самым нагруженным окажется кластер «исторических достижений», связанный с богатой историей городов и с попытками использования этих достижений в настоящем. Второй кластер – символы и достижения эпохи модерна, связанные, прежде всего, с советской эпохой, выражен гораздо слабее. Третий кластер, современные символы и мифы, остается практически незаполненным.

При этом ценности совместных действий в локальной идентичности оказываются почти не представленными. Наиболее близкие к действиям ритуалы воспроизводства идентичности достаточно бедны, однообразны и мало чем отличаются в различных сообществах.

В целом можно сказать, что жители городов ощущают себя довольно-таки гомогенным сообществом; суб-идентичности, обусловленные внутригородским территориальным и социально-профессиональным делением, выражены слабо. На периферию своего сообщества горожане помещают небольшие группы «иных» (приезжие, гастарбайтеры, люди ярко выраженной другой культуры – религиозной, этнонациональной и т.д.).

Идентичность и эффективное взаимодействие власти и общества

Характерным представляются результаты изучения уровня солидаризации населения городов Владимира, Смоленска и Ярославля. Почти половина жителей исследованных городов выразили уверенность, что в нашей стране среди людей больше разобщённости и несогласия. Доля жителей, считающих, что в отношениях с людьми следует быть осторожными, вдвое выше доли тех, кто уверен, что большинству людей можно доверять.

В то же время, стоит отметить, что в отношении ближнего окружения оценки респондентов о сплочённости или разобщённости существенным образом отличаются от их оценок состояния российского общества. Значимое большинство жителей каждого из трёх городов (от 69% в Смоленске до 74% во Владимире и Ярославле) выразили мнение, что среди их ближнего окружения преобладают согласие и сплочённость. В анкете не уточнялось, кто подразумевается под «людьми, окружающими лично вас», но очевидно, что респонденты в первую очередь имели в виду членов семьи, друзей и коллег, что делает полученные результаты вполне понятными.

Весьма показательным представляется распределение ответов на вопрос о готовности респондентов к объединению с другими людьми для каких-либо совместных действий.

Несмотря на общую негативную оценку уровня доверия в обществе, во всех трех городах большинство жителей отнесли себя к группе людей, готовых объединяться с другими для совместных действий. Правда, это «большинство» не одинаково: о своей готовности к объединению заявили три четверти участников опросов во Владимире и Ярославле. Жители Смоленска оказались склонны к консолидации в гораздо меньшей степени: такую готовность выразили немногим более половины респондентов (57%), в то время как 28% жителей сообщили о неготовности к объединению с другими для совместных действий.

Проведенный анализ показывает, что наибольшие значения склонности к солидарности демонстрируют горожане, которые удовлетворены своей жизнью, положением дел в городе, оценивают своё экономическое положение как среднее или выше среднего и склонны к доверию к большинству людей. Вместе с тем, склонность к солидарности, высказанная респондентами, сложно коррелирует с представлениями об основных элементах локальной идентичности, в некоторых случаях представляя явную положительную корреляцию (представления горожан о самих себе, о «лучших людях» города), а в других вопросах демонстрируя нулевую или отрицательную взаимосвязь (ритуалы единения – праздники, исторические события, исторические персоны).

Тем не менее, представляется, что выделенные структурные элементы городской идентичности и особенности их наполнения в конкретных городских сообществах могут быть основой для эффективного взаимодействия между обществом и органами власти, однако для активации этого процесса необходимы дополнительные условия в виде накопления социального капитала через развитие доверия и солидарности членов сообщества. Центром такого процесса может быть сообщество активных и инициативных граждан, объединенных в неформальные группы [Беляева, 2012].

Исследование показало, что одним из возможных механизмов формирования эффективного взаимодействия власти и общества является развитие локального аналитического сообщества, осуществляющего переосмысление и переструктурирование прошлого и настоящего, создание насыщенных смыслом и понятных для местного сообщества символов [Евстифеев, 2015].

Освоение символического пространства локальными сообществами в той или иной степени присуще всем городским поселениям и отличается большим разнообразием. Базовым процессом для развития такого сообщества и организации эффективного взаимодействия с органами власти в городе становится трансфер символов и элементов идентичности в практики, включая политические. Городские сообщества решают эту проблему по-разному: от полной интеграции во властные структуры до отстаивания собственной независимости и особенности.

Примерную модель трансферта локальной идентичности к позитивным формам взаимодействия с органами власти можно конкретизировать следующим образом: развитие городского сообщества, выработка социального «софта» для взаимодействия друг с другом, формирование независимого интеллектуального пространства с альтернативными конкурирующими «пакетами» интересов, публичное выражение интересов на дискуссионных площадках, создание коалиций, конкуренция и продвижение своей повестки в поле публичной политики.

Однако неиерархическая в целом структура локальной идентичности вступает в противоречие с жестко структурированным политическим пространством распределения ценностей. Иными словами, местные сообщества неминуемо встают перед решением фундаментальной проблемы: переход из пространства символической политики в политику реальную [Евстифеев, 2016].

Борьба за символы и за идентичность в символическом городском пространстве близка к латуровской «пересборке социального» (reassembling the social), т. е. к процессу упорядочивания/конструирования социального городского пространства в целом, включая и развитие бренда города [Латур, 2014]. Однако неиерархическое построение аналитических сообществ, приспособленное для интериоризации символов и выработки направлений символической политики на местном уровне, вступает в противоречие с жестко структурированным политическим пространством распределения ценностей. Таким образом, организация эффективного трансфера символической политики в несимволические практики, то есть в гражданскую самоорганизацию, становятся важным этапом перехода от борьбы за идентичность в символическом пространстве к политическим действиям.

Этот переход к собственно политическому существованию граждан может быть губителен для слабоструктурированных сообществ и их представителей. Риски потери идентичности и собственных принципов здесь весьма велики, что делает такой путь более сложным и уязвимым, чем привычный путь выработки ценностей внутри герметично организованной корпорации.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить наиболее чувствительные точки городских сообществ, которые, на наш взгляд, не позволяют пока говорить о достаточной эффективности коммуникации между властью и обществом.

Во-первых, изучение локальных идентичностей показало, что идентичность сама по себе не обладает телеологичностью, то есть она требует привнесения целей, либо извне, либо формируемых внутри самого сообщества. Но для того, чтобы цели совпадали с основными элементами идентичности и вызревали из идентичности, необходима определенная конкуренция целей, их интерференция и взаимовлияние, что, конечно, в реальности питает и создает конфликты и ведет к потере стабильности. Для устойчивого развития сообществ перспективным представляется дальнейшее теоретическое обоснование соотношения локальной идентичности и «духа сообщества» (community spirit, spirit of the city), направленного на самовоспроизводство и самоорганизацию сообщества.

Во-вторых, исследования почти не зафиксировали в трех городах развития неформальных делиберативных практик по поводу локальных ценностей, то есть институализированных механизмов взаимодействия внутри сообществ, не связанных с властными коммуникациями. Как следствие, пространство конкуренции ценностей остается незаполненным, обсуждения и дискуссии по базовым ценностям не приветствуются и не поощряются органами власти. Это приводит к тому, что цели развития городских сообществ и их ценности оказываются несогласованными с локальной идентичностью, порождая риски для коммуникации между обществом и властью.

В-третьих, исследование не обнаружило значимой корреляции между элементами городских локальных идентичностей и склонностью жителей к солидаризации и к взаимодействию внутри сообщества. По всей видимости, механизмы солидаризации сообщества имеют более сложную природу, а локальная идентичность не напрямую влияет на эффективность взаимодействия общества и органов власти, осуществляя свое воздействие через такие значимые параметры как характер организации сообщества, доминирующие представления о власти, распределение власти в городе, политическое устройство городского пространства в целом.

Библиография

1. Беляева Н.Ю. (ред.) Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики. М.: РОССПЭН, 2013. 253 с.
2. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1991. 336 с.
3. Евстифеев Р.В. Локальные аналитические сообщества как ресурс развития местных сообществ: кейс города Владимира // Новая экономика и региональная наука. 2015. № 1. С. 61-67.
4. Евстифеев Р.В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики // Философские науки. 2016. № 1. С. 88-95.
5. Евстифеев Р.В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т.3. №2. С. 3-9.
6. Задорин И. В. и др. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля. М.: ЦИРКОН, 2016. 130 с.
7. Колмэн Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122-139.
8. Крупкин П.Л. Россия и Современность: Проблемы совмещения: опыт рационального осмысления. М.: Флинта: Наука, 2010. 568 с.
9. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. 384 с.
10. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. 480 с.
11. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. 447 с.
12. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: AdMarginem, 1996. 288 с.
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, 2004. 640 с.
14. Anderson M. Community identity and political behavior. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
15. Lawler S. Identity. Sociological Perspectives. Polity Press, 2014. 210 p.
16. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago: ChicagoUniversityPress, 1986. P. 7-24.

Local identity and making effective interaction of local communities and authorities in Russian cities

Roman V. Evstifeev

Doctor of Political Science,
Senior Researcher,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir branch),
119571, 82-84 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: roman_66@list.ru

Abstract

The article presents the results of studying local identities in three Russian cities. The author uses both qualitative and quantitative research methods and identifies the main elements of the city local identity, to evaluate and compare these elements in the studied cities. Conclusions are drawn that the basis of local identity is the awareness of the common history and the general consumer culture of the city, while the values of joint actions are almost not represented. One of the mechanisms for the formation of effective interaction between government and society is the

development of a local analytical community that realizes the rethinking and restructuring of the past and the present, the creation of symbols saturated with meaning and understandable for the local community. The basic process for organizing effective interaction with authorities in the city is the transfer of symbols and identity elements to practices, including political ones. The study showed that the space of competition of values in cities remains unfilled, the development goals of urban communities and their values turn out to be inconsistent with local identity, creating risks for communication between society and government. It is established that local identity impact on the effectiveness of interaction between society and authorities, using such important parameters as the nature of the organization of the community, the dominant ideas about power, the distribution of power in the city, the political structure of the city space as a whole.

For citation

Evstifeev R.V. (2017) Lokal'naya identichnost' i postroenie effektivnogo vzaimodeistviya mestnykh soobshchestv i organov vlasti v rossiiskikh gorodakh [Local identity and building effective interaction of local communities and authorities in Russian cities]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (6A), pp. 16-27.

Keywords

Collective identity, symbolic politics, interaction of power and society, political science, politics.

References

1. Anderson M. (2010) *Community identity and political behavior*. New York: Palgrave Macmillan.
2. Belyaeva N.Yu. (ed.) (2013) *Analiticheskie soobshchestva v publichnoi politike: global'nyi fenomen i rossiiskie praktiki* [Analytical communities in public policy: a global phenomenon and Russian practices]. Moscow: ROSSPENN Publ.
3. Bourdieu P. (1991) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos Publ.
4. Colman J. (2001) Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Social and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 3, pp. 122-139.
5. Evstifeev R.V. (2015) Lokal'nye analiticheskie soobshchestva kak resurs razvitiya mestnykh soobshchestv: keis goroda Vladimira [Local analytical communities as a resource for the development of local communities: the case of the city of Vladimir]. *Novaya ekonomika i regional'naya nauka* [New Economy and Regional Science], 1, pp. 61-67.
6. Evstifeev R. V. (2016) Lokal'naya identichnost': simvolicheskaya politika i nesimvolicheskoe praktiki [Local identity: symbolic politics and non-symbolic practices]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 1, pp. 88-95.
7. Evstifeev R.V. (2017) Issledovaniya lokal'nykh identichnostei: teoreticheskie podkhody i perspektivnye napravleniya [Investigations of local identities: theoretical approaches and perspective directions]. *Nauchnyi rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Scientific Result. Sociology and management], 3, 2, pp. 3-9.
8. Hantington S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoi naytsional'noi identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow: AST Publ.
9. Krupkin P.L. (2010) *Rossiya i Sovremennost': Problemy sovmeshcheniya: opyt ratsional'nogo osmysleniya* [Russia and Modernity: Problems of overlap: the experience of rational reflection]. Moscow: Flinta: Nauka Publ.
10. Latur B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow.
11. Lawler S. (2014) *Identity. Sociological Perspectives*. Polity Press.
12. North D., Wallis D., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and social order. Conceptual framework for interpreting the written history of mankind]. Moscow.
13. Ostrom E. (2011) *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnoi deyatelnosti* [Governing the commons. The evolution of institutions for collective action]. Moscow: IRISEHN, Mysl' Publ.
14. Putnam R. (1996) *Chtoby demokratiya srbotala. Grazhdanskoe traditsii v sovremennoi Italii* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow: AdMarginem Publ.

-
15. Tajfel, H., Turner, J.C. (1986) The social identity theory of intergroup behavior. In: *Psychology of intergroup relations*. Chicago: ChicagoUniversityPress.
  16. Zadorin I.V. et al. (2016) *Gorodskie lokal'nye identichnosti kak osnova formirovaniya ustoichivyykh mestnykh soobshchestv. Issledovanie obshchegorodskikh identichnostei zhitelei Vladimira, Smolenska, Yaroslavlya* [Urban local identities as the basis for the formation of sustainable local communities. Study of city identities of the inhabitants of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl]. Moscow: TSIRKON Publ.